

них принимает одно из двух значений + или —. Подбор признаков представляется очень удачным, но нуждается как в теоретическом, так и в эмпирическом обосновании.

Матрица распределения этих признаков достаточно убедительно показывает, что указанные семь групп можно объединить в более крупные единицы. Северная группа характеризуется наличием всех этих признаков. Южная — их отсутствием. Центральную группу образуют диалекты, где присутствует часть этих признаков. Северная группа целиком соотносится с традиционно выделяемой группой диалектов гуаньхуа, центральная группа состоит из диалектов У, Гань, Сян, расположенных в ареале к югу от Янцзы и вдоль ее южных притоков, южная группа — из диалектов Хакка, Юэ, Минь.

Обычная для европейской диалектологии классификация диалектов по комплексу признаков пока еще не приобрела популярности у китайских диалектологов, которые предпочитают ориентироваться на единственный критерий выделения диалектных групп. Так, глава современной диалектологической школы в Китае Ли Жун предложил классификацию диалектов группы гуаньхуа на основании единственного признака — наличия входящего тона. В соответствии с этим признаком в группе гуаньхуа выделяются диалекты Цзинь, распространенные в провинции Шаньси и на севере провинции Шэньси. По этому признаку они объединяются с диалектами южного ареала Гуаньхуа, хотя, очевидно, что по многим другим признакам они не относятся к этому ареалу.

Формирование комплексов признаков представляется перспективным направлением китайской диалектологии, к которому автор приступил, не ожидая публи-

кации исчерпывающих материалов по диалектам китайского языка. Можно не сомневаться, что как только появится возможность сформировать сеть опорных пунктов, делящую ареал китайского языка не на двенадцать, а на большее число квадратов, появится возможность провести изоглоссы и уточнить комплекс признаков диалектов. Границы между ними в этом случае можно будет провести на основе не административных границ, а лингвистических изолиний. Заслуга автора состоит в том, что его комплекс закладывает основания для таких исследований в будущем.

В краткой рецензии трудно остановиться на всех достоинствах книги Дж. Нормана «Китайский язык». Можно лишь в самой общей форме сказать, что эта книга представляет собой монографию лингвиста, активно работающего во многих областях изучения китайского языка, а потому сумевшего точно изложить современное состояние науки о китайском языке, вложив в это изложение оригинальное личное толкование большинства проблем, затрагиваемых в ней. Она подводит итог развития китайского языкознания за сорок лет и дает пищу для размышлений о путях его дальнейшего развития.

Софронов М. В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Chinese language. N.Y., 1949. P. 68.
2. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М., 1965. С. 42.
3. Завьялова О. И. Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа // ВЯ. 1982. № 3.
4. Астрахан Е. Б., Завьялова О. И., Софронов М. В. Диалекты и национальный язык в Китае. М., 1985. С. 106—114

Оглоблин А. К. Мадурский язык и лингвистическая типология. Л. Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 200 с.

Австронезисты давно ждали такой книги, как «Мадурский язык». Обескураживающей многочисленности австронезийских языков лингвистика обязана прекрасной школой сравнительно-исторических исследований; основоизоляции, присущей этим языкам, — несколькими поколениями структуралистов, чье главное внимание было сосредоточено на синтаксисе. Авторы же, сочетающих эрудицию

лингвиста-компаративиста с пронизательностью дескриптивиста и фантазией типолога, одинаково легко преодолевающих все уровни языка, у австронезистики пока мало, и тем выше ценность книги А. К. Оглоблина.

Мадурский (далее МАД) — язык западной ветви (по Оглоблину, группы, с. 8) австронезийской семьи, включаемый в территориальную группировку индонезийской.

зийских языков¹. По 200-словному базовому списку, МАД демонстрирует 47% лексических совпадений с малайским, 37% — с яванским и 36% с сумланским [1]. В настоящее время активно обсуждается наличие так называемой малайско-яванской группировки языков; вхождение в нее МАД, однако, признается, пока не всеми (ср. [1]). На МАД говорят ок. 9 млн. человек, таким образом, это один из крупнейших языков Индонезии.

Несомненный уклон в сторону типологии и вообще синхронии, заметный в рецензируемой работе, оправдан и становится ясен для читателя после знакомства с обзором работ, выполненных грамматистами — предшественниками А. К. Оглоблина (с. 7—8). Наилучшим образом описаны фонология и морфология, а также словарь (лексика). По-видимому, много хуже обстоит дело именно с синтаксисом. Работа А. К. Оглоблина является, таким образом, не еще одним описанием в ряду существующих, а гораздо более системным, экономным и, если угодно, изящным представлением мадурского языка. По этому изданию скромной выглядит в аннотации работы (с. 2) ее характеристика как «первой в советском востоковедении».

Рецензируемая книга состоит из введения, трех неравных по объему разделов (самый большой из них, второй, делится на девять глав) и библиографии (125 назв.); при подготовке материала использовано десять письменных источников (с. 192), а также данные информантов.

¹ Средневековые письменные памятники на МАД неизвестны. В «Списке основных датированных надписей Индонезии», составленном Л.-Ш. Дамэ,— всего одна надпись с территории Мадуры, и та на древнеяванском. Между тем, мадурцы и Мадура сыграли важную роль в истории Индонезии. Достаточно вспомнить, что именно на Мадуре, в Суменепе, нашел убежище изгнанный с Явы будущий основатель крупнейшей средневековой государственности на территории Индонезии — Маджапахит — Раден Виджайя. Чуть позже именно благодаря поддержке «мадурцев, искуснейших во владении оружием» (*wong madura kang abecikbecik ginawa saha sanjata*), как повествует средневековая яванская хроника «Параратон», ему удалось сначала в союзе с монголо-китайскими экспедиционными войсками разбить узурпатора Джайкатванга, а затем, избавившись от недавних союзников, стать государем (этим сведениями мы обязаны С. В. Кулланде). К сожалению, упоминаний, подобных цитированному выше, очень мало. В этих условиях лингвистические данные становятся одним из основных источников по истории и культуре мадурцев.

Приятно отметить, что книга снабжена двумя картами-схемами: в таких сложных, этнически и лингвистически разнообразных ареалах, как Западная Австралия, картографическое описание составляет особую задачу (заинтересованному читателю, вероятно, будет полезно познакомиться с лингвистическим атласом Юго-Восточной Азии и Океании [2]).

Во введении сообщаются экстралингвистические сведения о мадурцах, истории описания языка, его диалектном членении. Задачей автора является описание нормативного МАД, и эта постановка задачи кажется наиболее удачной, поскольку без адекватного описания уже устойчивой нормы описание диалектов многое потеряет. Автор подробно останавливается на письме (графика МАД близка яванской). Для записи материала в книге предложена своя орфография, призванная отражать все фонемы и некоторые аллофоны (из аллофонов, подлежащих специальной фиксации, выбраны используемые в наиболее независимой позиции).

Первый раздел посвящен фонологии и морфонологии. Он открывается кратким типологическим экскурсом, суть которого сводится к противопоставлению тональных и «фонемных» языков; отчасти это противопоставление коррелирует с оппозицией неслоговых — слоговых языков по [3]. В описании фонологической системы МАД автор в основном следует А. Стивенсу [4], но в отличие от его генеративной модели строит более традиционную, соответствующую фонологической теории в духе Л. В. Щербы. Существенно, что к слуховым наблюдениям добавлены осциллографические (ранее МАД не описывался методами экспериментальной фонетики); это позволяет подтвердить глухость аспирированных и определить длительность звуков. Ориентация на функциональное описание, проявляющаяся и в других разделах книги, объясняет широкое и, как представляется, уместное использование функциональных нулей (о понятии функционального нуля в фонологии ср. [5]). Введение нулевых знаков облегчает и систематизацию морфонологии МАД, осуществляемую впервые. Будучи в основе своей синхронным, фонологическое и морфонологическое описание может дать многое и историку, поскольку автор подробно останавливается на таких существенных для австронезистики проблемах, как аспираты, преназализованные, устраняет возможную путаницу в вопросе об импловзивности (с. 19—20). Четкое выделение инвентаря фонем и набора аллофонов в каждом конкретном австронезийском языке является в конечном счете гарантией того, что при реконструкции удастся свести к минимуму число дополнительных распределений.

На фоне удачно выполненного фонологического описания досадно лапидарным выглядит подраздел, посвященный интонации. Едва ли спасает его *и.* отсылка к описанию «довольно близкой интонации индонезийского языка» в [6]. Читатель остается в неизвестности относительно таких вопросов, как интонация побудительных предложений, интонация высказываний с «модально-коммуникативными элементами» (с. 145 и сл.), интонирование парентезы, контрастно выделенных групп, обращения; ничего не говорится о соотношении интонации с порядком слов (ср. о нем с. 51, 145–148).

Центральный раздел книги — «Грамматика» — открывается описанием инвентаря морфем и включает не только то, что в традиции относят к грамматике, но и синтаксис. При выделении значимых единиц грамматического уровня автор и пользуется двумя критериями — формальным, или дистрибутивным (сочетаемость с другими единицами данного языкового уровня, с единицами следующего/предыдущего уровня), и функциональным (способность выступать в функции X). Второй, весьма общий, критерий, который в описании (осново)изолирующих языков подобен спасательному кругу, позволяет — если и дальше эксплуатировать сравнение — не утонуть, но не всегда позволяет выплыть. Формальный критерий (сандхи, отделимость) выделяет служебные морфемы; отрицательный функциональный критерий (неспособность выступать в качестве самостоятельного высказывания) выявляет служебные слова; критерий синтаксической субституции, не ведущей к искажению смысла, — слова-заместители (выделение их в особый класс — ср. с. 105–115 — представляется вполне целесообразным). После такого отбора остается огромное число знаменательных слов и набор морфем, в основном корневых, критерии выделения которых плохо поддаются формализации. Автор чувствует это и прибегает к критерию спонтанного порождения, который связан с возможностью для значимой единицы «выступать в качестве предложения (например, краткого вопроса, ответа, побуждения)» (с. 39). Этот критерий позволяет выделить большинство корневых морфем и основную массу знаменательных слов². Проблема разграни-

чения морфем и слов все равно остается при этом нерешенной (строго говоря, неясен и вопрос, языковая или метаязыковая это проблема, но его мы оставим в стороне). Сказанное не является, однако, упреком автору — это общелингвистическая задача, и ее решение пока достаточно неясно.

А. К. Оглоблин противопоставляет корневые и служебные морфемы, подразделяя последние на собственно аффиксы и морфемы удвоения. В предшествующих описаниях МАД языка [4] выделялись также клитики, но в новом описании их нет (хотя автор и не объясняет, почему). Чрезвычайно удачным и подробным является описание МАД редупликации (как и в большинстве австронезийских языков, она включает полную редупликацию, преддупликацию и постдупликацию). В равной мере полно описаны как ее формальные свойства, так и семантика; описания подобного рода приближают нас к общей типологии редупликации, которая еще ждет своего исследователя.

Классификация знаменательных слов основана прежде всего на их синтаксической функции, что позволяет получить два суперкласса — имена и глаголы (в терминологию автора, отвечающей примату синтаксического критерия, — предикативы). Сочетаемостный критерий позволяет выявить более тонкие различия в обеих больших группах знаменательных слов, в частности выделить числительные и наречия.

Наиболее развитая словоизменительная парадигма имеется у глагола, различающего наклонение, время и залог (последний только у переходного глагола). Как отдельная от наклонения категория рассматривается императив, отличающийся от форм других наклонений своей выраженной апеллятивной функцией, ср. [7, с. 12]. Императив в малурском типологически интересен тем, что его форма, выделяемая только для переходных глаголов, совпадает с формой основы глагола. Так же обстоит дело и в большинстве австронезийских языков, с той лишь разницей, что в них принято выделять активный по форме императив у непереходных глаголов и пассивный по форме — у переходных, ср. в языке маори: *ē, hou, ki,*

только измучает.— *Ся*] [= измучится]; в тонганском языке *Kio, sio, hake, a iā* «Он (4–5) взглянул (1–2) вверх (3)» — (*'kai*) *hiō* «(Нет,) вниз» (в русском отдельные высказывания образуются морфемами, в тонганском дирекциональными частями). При уточнении предлагаемого в книге определения такие случаи желательно либо исключить, либо специально предусмотреть.

² Этот критерий в приведенной нестрогой формулировке позволяет, как представляется, выделять и некоторые служебные морфемы и служебные слова — в том случае, если они антонимически или каким-то иным регулярным образом коррелируют с единицами одного с ними порядка. Ср. в разговорной русской речи *Ты что, переел?* — *Недо* [= недоел]; *Он*

tei whenua, «уйди (1–2; 1 — показ, импер.) в (3) землю (4–5)»; *tahu-na[^] te₂ ahi₁*, «разведи-пасс, (1) костер (2–3)». По-видимому, пассивный императив развивается из вежливого выражения возмущения, каким является пассив конъюнктива (типологически такой генезис весьма правдоподобен). Синхронный его анализ как пассивного не оправдан, поскольку в рамках способов выражения волеизъявления он не противопоставлен какой-либо соотносительной активной конструкции. По критериям совпадения Агенса или Пациенса с группой темы и/или подлежащего, «пассивный» императив мадурского, как можно предположить, скорее активен (Пациенс — не тема), но точных данных на этот счет автор не дает.

В индикативе переходный глагол образует активную и пассивную конструкции. Последняя, как представляется, довольно частотна (ср. с. 133 о «высокой регулярности соответствия актив — пассив»), однако количественных данных автор не приводит. Кроме того, в МАД отмечена грамматическая каузативация, у переходных глаголов — интранзитивация (декаузативация), у битранзитивов — конверсивная мена дополнений.

В разделах, посвященных именным классам, неоднократно используется противопоставление этикетных (вежливых, «средних») и не маркированных по этикетности слов. Противопоставление не охватывает, как отмечает автор (с. 9), всей системы МАД, однако, насколько это следует из изложения, значимо (а) для некоторых лексических подсистем, (б) для некоторых синтаксических подсистем, а значит, выходит за рамки характеристик именного лексикона. Закономерность (б) ответственна за выбор между ирреализмом и императивом при более/менее вежливом выражении волеизъявления, между пассивом и активом при более/менее отстраненном или вежливом описании событий и т. п. Вероятно, экспликация этикетных различий в языках, близких МАД ареально и генетически, могла бы составить задачу отдельной работы.

Описанию синтаксиса простого и сложного предложений предшествует исчисление типов именных групп (нумеративные, атрибутивные, посессивные, с. 125–130). Автор пользуется при этом аппаратом метода непосредственно составляющих. Несколько неожиданным оказывается здесь то обстоятельство, что существительное управляет числительным (ср. с. 86), тогда как более принято считать вершиной нумеративного словосочетания именно числительное.

В простом активном предложении агенты не маркированы и противопостав-

ляются позиционно: базовым является, По-видимому, порядок Подлежащее — Сказуемое — Дополнение, ср. *Amir той> ka labang* «Амир открывает дверь». Агентивное дополнение типично вводится предлогом *bi'* и некоторыми другими, ср. соотв. *Labangna e-bukka' bi' Amir* «Дверь открывается Амиром». Косвенные дополнения вводятся предложениями. Помимо подлежащего пассива, имеется пассив-имперсонал, ср. *BaB, kotta% jareya, e-caretaghii Ban, Amir\$ de? Fatimag* «Об (1) этом (3) городе (2) рассказывается (= пасс.) (4) Амиром (5–6) Фатиме (7–8)».

В описании сложных предложений автор вводит противопоставление собствен-но сложных [о них сказано, что «в принципе они характеризуются как непосредственное соединение двух простых (предложений); в то же время к ним отнесены весьма многочисленные «конструкции, в которых конструкция простого предложения выступает в функции сирконстанта» [с. 152 — 153]] и усложненных, с иерархически упорядоченными предикатами, в том числе нефинитными. Он признает, что между усложненным и сложным предложением есть промежуточные случаи (с. 152). Нам представляется, что понятие усложненного предложения не отличается сколько-нибудь значительным образом от понятия сложноподчиненного (с. 168 и др.). Единственным «выигрышем» от его использования оказывается возможность эксплицитно вести предложения с зависимой предикативой, выраженной «оборотом» (т. е. нефинитной формой, именем действия и т. д.), в состав сложных. К сожалению, остаются нераскрытыми коммуникативные особенности усложненного предложения (автор только упоминает, что они существуют). В целом синтаксический раздел написан подробно и насыщен материалом. Именно синтаксические главы (7–9) «Грамматика» свидетельствуют о том, что А. К. Оглобин, не нарушая традиций грамматического описания, удачно приспосабливает его к особенностям языка с бедной морфологией: это происходит за счет увеличения удельного веса синтаксиса.

Третий раздел монографии («К диахронической типологии малайско-яванских языков») представляет особый интерес: в нем обобщены результаты собственных наблюдений автора и наблюдений его коллег над изоглоссами малайско-яванских языков. Существование малайско-яванской группировки и вхождение в нее МАД, как было сказано, признается далеко не всеми, однако подход автора рецензируемой книги вполне оправдан: он неоднократно указывает, что не рассматривает малайско-яванские языки как строго генетическое единство. Именно исследования такого рода, как то, что

представлено в разделе III книги, позволяют верифицировать диахронические гипотезы. Выводы, полученные при сопоставительной работе на небольшой языковой группе, можно, вероятно, использовать в трех областях: 1) в сравнительно-историческом языкознании; 2) в лингвистике контактов (см. [8] о значимости малайско-яванского региона для истории австронезийцев и малайцев в частности); 3) в типологии языковых подсистем.

Ясно, что первое и второе направления неразрывно связаны. В связи с третьей, наименее очевидной, областью применения выводов из сопоставительной работы приведем заключение автора книги: «Совмещение инноваций и архаизмов в одной и той же языковой системе объясняется... тем, что не все свойства этой системы взаимосвязаны одинаково тесно...» (с. 182).

Подведем итог. Несомненно, задача книги, сформулированная автором в Предисловии (с. 3) — «представить очерк мадурского языка... максимально доступный для типологических сопоставлений», — выполнена: в обиход лингвистов введен обширный материал, раздвинуты (но не сломаны) традиционные рамки исследования, намечены его перспективы. Показательно, что недостатки и недоговоренности в рецензируемой работе возникают именно там, где автор вынужден заниматься трудными, неокончательно решенными задачами лингвистической типологии. Поэтому сказанное ниже скорее относится к самой типологии, а не к книге «Мадурский язык».

До сих пор нет удовлетворительной типологии фонологического и морфонологического уровней, поэтому автор должен быть готов к тому, что его читатели останутся не удовлетворены противопоставлением двухчленных (фонемные + интонационные противопоставления) и трехчленных (фонемные + просодические + интонационные противопоставления) языковых систем.

Противоречия, возникающие при членении морфологического уровня и выделении слова как единицы языка — в данном случае конкретно взятого языка, — это нерешенные проблемы типологии морфемы. Неудачи, ожидающие австронезиста после того как ему удается на основании синтаксических функций разграничить глаголы и имена, — это неудачи, которые терпит пока типология частей речи.

Не совсем четко сформулировано противопоставление плана содержания и плана выражения в сенцентральном синтаксисе (с. 51—54, § 8 «Синтаксическая и семантическая структура»). Весь параграф, кажущийся вообще излишне длинным, сводится к тому, что план содержания предложения — это 1) актантно-пре-

дикатная структура, описанная в терминах логических или семантических ролей (гиперролей) и, по-видимому, 2) структура, соотносящая части предложения (высказывания) с уже известной, исходной информацией и с тем, ради чего строится высказывание (иными словами, коммуникативная модель высказывания). В плане выражения различаются: оформление составляющих предложения сегментными средствами (морфемы, служебные слова), линейная позиция составляющих (а скорее, позиция + интонирование) и, наконец, способность составляющих предложения определять грамматические свойства других составляющих и/или иметь определенные грамматические свойства под влиянием других составляющих.

В плане синтаксической типологии автор находит в МАД языке черты аккузативного (номинативного), эргативного и активного строя. Аккузативность усматривается, в частности, в развитом противопоставлении по залоговым глаголам (актив—пассив). Но это не главный признак аккузативных языков; более того, залоговые противопоставления есть и в таких эргативных языках, как самоанский, эскимосский, чукотский, майя и др. Важно другое: подлежащее одноименной конструкции в МАД похоже на подлежащее же — а не на дополнение — активной двухместной — как явствует из описания в гл. 1. Это — решающий довод в пользу аккузативности. Что касается эргативности, то обязательность в пассиве агентивного дополнения — пожалуй, слишком слабое основание для сближения этого дополнения с подлежащим. Обязательны ведь и некоторые другие дополнения (например, прямое в активе). С другой стороны, приоритет в релятивизации и, по-видимому, тематичность (ср. с. 61) так же свойственны объектному подлежащему (в пассиве), как и субъектному (в активе). Между тем в эргативной конструкции объектный актант обычно входит в рему, а тематичен — субъект (Агенс). Эти наши возражения в какой-то мере адресованы не только Оглобину. Они указывают на недостаточную детальную проработку понятий аккузативной и эргативной конструкций в отечественной типологии.

Вообще же за вычетом нескольких излишне длинных теоретических экскурсов книга «Мадурский язык» написана ясно и в этом смысле оправдывает надежды автора на ее применение в практическом изучении этого языка. Грамматика не отягощена терминами, что, однако, нисколько не упрощает ее. Некоторое недоумение может вызвать использование термина «нумеральный» (вместо более принятого «нумеративный»), термине «группа существительного» при более

принято «именная группа» (для МАД это, кстати, важная терминологическая замена, если иметь в виду упоминавшуюся выше недостаточную расчлененность класса имен). Наконец, кажется не слишком удачным выражение «аффикс-повтор».

Два замечания хотелось бы адресовать издательству Ленинградского университета. Ротапринтная печать в книге довольно низкого качества. Многие буквы, в том числе в языковых примерах, читаются с трудом, а иные и вовсе не прочтены. Достоин сожаления, что один из наших ведущих и старейших университетов не располагает более совершенной техникой.

В книге отсутствует индекс служебных слов и морфем, что затрудняет того, кто пожелал бы читать мадурские тексты, поскольку оглавление недостаточно подробно для поиска служебных элементов в разных разделах и параграфах. Небольшое увеличение объема, к которому привело бы включение подобного указателя в книгу, имело бы только положительные следствия.

Типологи и компаративисты, австронезисты и специалисты по сопоставительному языкознанию получили умную, полезную книгу, и хочется верить, что в будущем она выдержит переиздание,

причем большим, чем первый (481 экз.) тиражом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Blust R.* The reconstruction of Proto-Malayo-Javanic: an appreciation // *Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde.* 1981. D. 137, afl. 4.
2. *Linguistic atlas of the Pacific area.* Pts 1–2 / Ed. by Wurm S., Hattori S. Canberra; Amsterdam, 1981, 1984.
3. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
4. *Stevens A.* Madurese phonology and morphology (American Oriental Society series, 52). New Haven, 1968.
5. *Касевич В. Б.* Функциональные нули и их место в фонологической системе бирманского языка // *Народы Азии и Африки.* 1970. № 6.
6. *Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х.* Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
7. *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
8. *Bellwood P.* Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. Oxford, 1985.

Полинская М. С.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Рецензируемая книга представляет собой первое в отечественном языкознании монографическое исследование русской диалектной лексикографии: ее истории и современного состояния.

Книга состоит из шести глав. Первые три главы посвящены историческому исследованию и критическому анализу пройденного русской диалектной лексикографией пути. Подробно рассматриваются все этапы развития науки о составлении русских диалектных словарей. Несомненную ценность представляет анализ словарей и словариков областных слов, опубликованных в различных печатных изданиях XVIII в., а также анализ источников, принципов создания, достоинств и недостатков первого и до сих пор единственного завершеного сводного словаря народных говоров — «Опыта областного великорусского словаря» Академии наук (1852 г.) с «Дополнением» к нему (1858 г.) и одного из высших достижений русской

лексикографии — «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1 гл.). Большой интерес вызывает проведенное во II гл. исследование русских диалектных словарей конца XIX — нач. XX в., знаменующих собой классический период русской диалектной лексикографии: словарей А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, Н. М. Васнецова, В. Н. Добровольского и др. Всесторонняя характеристика областных словарей в рецензируемой работе включает в себя описание научных концепций их составителей, принципов отбора и подачи лексического материала, основных разрядов включаемой лексики, способов толкования слов. Теоретические рассуждения иллюстрируются фрагментами конкретных словарных статей, а это особенно важно в связи с тем, что некоторые из рассматриваемых областных словарей анализируются в лингвистической, литературе впервые. Ф. П. Сороколетов и О. Д. Куз-